

Июль, 1972, 13 севбр, № 7.

III

ОНАЧАЛУ колхозник с далекого Алтая Иван Расторгуев решил отправиться на юг с женой и двумя детьми.

— Вот что я вам скажу, уважаемая родня: пеньком дремучим — это я сумею

прожить. Я хочу, чтобы дети мои с малых лет развитие получили! — Вот так «выступал» на проводах Иван. — Не отдых мне этот нужен!.. Я вон пошел с удочкой, по сидел на бережку в теничке — и печки-лавочки. Отдохнул. Так? А вон им, — кивнул он в сторону маленьких детей, — им больше надо. Они, к примеру, пошли в школу, стали проходить море — а они его живьем видели, море-то! Скажут, папка

вичем (Всеволод Санаев), с Иваном Расторгуевым и Нюрой (Лидия Федосеева), с другом и оппонентом Сергея Федоровича — тоже профессором (Зиновий Гердт).

— По сути дела, это кульминация фильма, — говорит Василий Шукшин. — Ведь обоим Иванов — и своего главного героя, и молодого ученого — я считаю людьми дела, работниками, теми, кто составляет стержневой хребет нашего общества. Человек сам по себе замечательный, крупный ученый, Сергей Федорович привозит в свой дом Ивана и Нюру с тем, чтобы близкие его и друзья умилились первозданными добродетелями Расторгуевых, узнали бы от них нечто утерянное им самим много десятилетий тому назад. Ведь на поверку оказывается, что профессор, вольно или невольно противопоставляющий деревню городу,

отношении к нашей жизни, в стремлении внести в нее свой полезный, весомый трудовой вклад.

— Таким образом, Сергей Федорович — герой, с которым вам хочется поспорить?

— И не только с ним. Начну издали. В части нашей литературы, да и в журналистике утвердился, не знаю уж, с чьей легкой руки, термин «деревенщик». Слово достаточно уродливое, впрочем, как и само понятие. Предполагается, что вышеупомянутый «деревенщик» разбирается достаточно только в вопросах сельской жизни, о чем исключительно и пишет. Сразу же хочу сказать, что ни в коем случае не желал бы быть причисленным к лику таких «узких специалистов». Думаю, что в подобном случае было бы логичным существование литераторов, пишущих исключительно на железнодорожные, автомобильно-шоферские, торговые, авиационные темы. Тому можно было бы найти известное оправдание. Ведь в вышеупомянутых сферах трудятся миллионы людей.

Героями моих фильмов и книг часто становятся выходцы из села отнюдь не потому, что я считаю их лучшей частью человечества. Просто этих людей в силу собственных биографических обстоятельств знаю лучше прочих. А хорошо изучив их, рельефней могу представить свойства характеров своих героев, бесконечно близкие и родные душевные качества народа, с которым связан до сих пор многими нерасторжимыми узами. Все это, повторяю, не мешает видеть, к примеру, слабости обитателей села или сильные стороны людей города.

А вообще я бы определил магистральную тему нашей комедии как рассказ о красоте доброты, добрых чувств в человеке.

— Из ваших слов следует, что в комедии «Печки-лавочки» поднимаются достаточно серьезные вопросы?

— Но это не означает, что мы ставим перед собой цель создать не смешную комедию. Думаю, что проявления комедийного, смешного столь же многообразны, сколь и драматическо-трагедийного. В нашей ленте мы идем по пути конструирования узнаваемых зрителем ситуаций, по пути, если можно так выразиться, «попадания» в жизнь. Ведь говорят же «до смешного похож». Вот мы и хотим, чтобы люди, узнав в нашем фильме лакея и прислуживающего, посмеялись над ним, а встретив его в жизни, ироническим и насмешливым к нему отношением парализовали его способность отравлять хорошее и доброе, нагло претендовать на всезнайство. Не грешно, на мой взгляд, посмеяться и над стремлением к эдакой сублимной псевдоархаике, порой вдруг крайне нелепо выплывающей у людей современных и в общем вполне достойных...

...А пока Иван Расторгуев живет в типичной квартире Сергея Федоровича. Впечатления его весьма разнообразны. И скоро Иван и Нюра Расторгуевы поделятся ими со зрителями.

Беседу записал Ф. Андреев.

КРАСОТА ДОБРОТЫ

Рассказывает Василий ШУКШИН

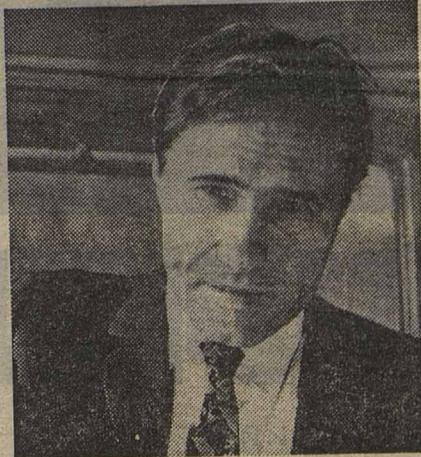
возил нас, когда мы маленькие были. Я вон отца-то почти не помню, а вот помню, как он меня маленького в Березовку возил. Вот ведь что запомнилось! Ведь тоже, небось, и ласкал, и конфетку когда привозил, а вот ничего же не запомнил, а запомнил, как возил с собой на коне в Березовку...

Однако в первый в своей жизни дальний путь к Черному морю он отправляется вместе с женой Нюрой, а дети из-за карантина остаются дома.

В путь отправился Иван, в путь полгода назад отправилась комедия «Печки-лавочки», постановку которой по собственному сценарию осуществляет на Московской студии имени Горького режиссер, писатель и актер Василий Шукшин. Он исполняет и роль алтайского хлебороба Ивана Расторгуева.

— Путь Ивана по транссибирской железнодорожной магистрали, встречи его с неожиданными людьми, новыми представлениями и понятиями — вот что составляет сюжет нашей ленты, — рассказывает Василий Макарович Шукшин. — Прием сам по себе не новый, — добавляет он, — но позволяющий обратиться к нескольким волнующим меня проблемам.

Комедия «Печки-лавочки» закончила большую часть своего «путешествия» и обособилась в одном из павильонов студии имени Горького. Здесь в московской квартире попугайчика Ивана и Нюры — Сергея Федоровича, профессора, собирателя русского фольклора, встретились мы с основными героями ленты: с сыном профессора, ученым-социологом — тоже Иваном (Станислав Любшин), с самим Сергеем Федоро-

постоянно призывающий окружающих прикоснуться к жизни народной, сам имеет о ней весьма смутное, приблизительное представление. Иван же Расторгуев мигом улавливает в сыне профессора, тезке своем и ровеснике, нечто стоящее, дельное, несмотря на насмешки Сергея Федоровича над бородой сына, над его экстравагантными друзьями. Среди них молодые художники, артисты, певцы. Колхозник Иван, возможно, пока и не сумеет четко сформулировать свое отношение к новым впечатлениям, обрушившимся на него, но он интуитивно ощущает, что дело тут не в декларациях преданности сельским, исконным обычаям, а в действительном, активном